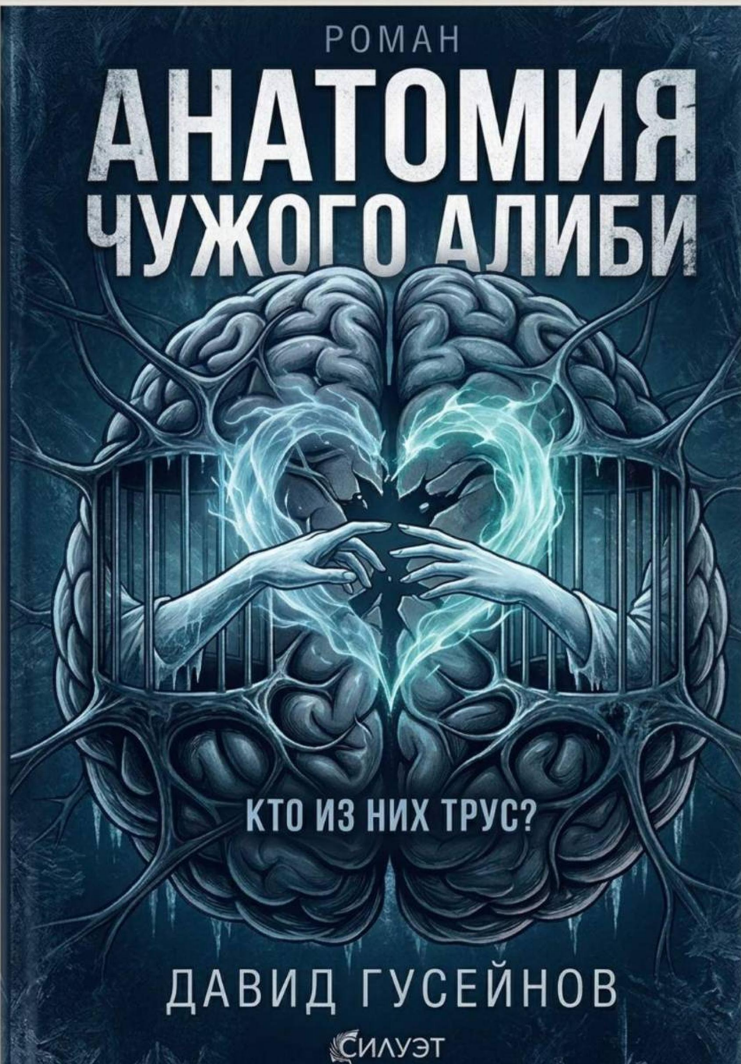

РОМАН

АНАТОМИЯ ЧУЖОГО АЛИБИ

КТО ИЗ НИХ ТРУС?

ДАВИД ГУСЕЙНОВ

СИЛУЭТ

Давид Гусейнов

Анатомия Чужого Алиби

<https://litres.ru/74681889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разум — гениальный адвокат, способный оправдать любую низость, если на кону стоит его собственный комфорт. Большинство людей всю жизнь кропотливо выстраивают безупречный фасад: создают стабильные семьи, симулируют идеальную лояльность и прячут лица в воротники под минским обледенелым небом. Но за этим стерильным регламентом часто скрывается глухая тоска по настоящим, живым вызовам. Операционная система жизни устроена цинично: рано или поздно она сталкивает человека с экстремальной проверкой на прочность, взрывая привычный контур гормональным штормом и подлинной, разрушительной страстью. В этот момент маски начинают трещать. В условиях экзистенциального выбора среднестатистический человек панически боится неизвестности. Когда страх потерять социальный статус и уютное тепло норы оказывается сильнее любви, запускаются самые темные, макиавеллиевские механизмы психологической защиты. Чтобы не чувствовать себя уродом, человеку становится жизненно необходимо выстроить безупречное алиби.

Давид Гусейнов
Анатомия Чужого Алиби

Глава 1

Давид Гусейнов

Анатомия чужого алиби

Роман о цене трусости и сломленных масках

«Самая грязная игра начинается тогда, когда ты пытаешься выстроить алиби перед собственным зеркалом. Ты можешь виртуозно очернить чужое имя и сжечь чужие мосты, но на финальной обледенелой площади ты все равно останешься рабом своей трусости. В этой партии чек всегда оплачивается полностью, но только после игры»

Минск 2026

Аннотация

Человеческий разум — гениальный адвокат, способный оправдать любую низость, если на кону стоит его собственный комфорт. Большинство людей всю жизнь кропотливо выстраивают безупречный фасад: создают стабильные семьи, симулируют идеальную лояльность и прячут лица в воротники под минским обледенелым небом. Но за этим стерильным регламентом часто скрывается глухая тоска по настоящим, живым вызовам. Операционная система жизни устроена цинично: рано или поздно она сталкивает человека с экстремальной проверкой на прочность, взрывая привычный контур гормональным штормом и подлинной, разрушительной страстью. В этот момент маски начинают трещать.

В жестких условиях экзистенциального выбора среднестатистический человек панически боится неизвестности. Когда страх потерять социальный статус и уютное тепло норы оказывается сильнее любви, запускаются самые темные, макиавеллиевские механизмы психологической защиты. Чтобы не чувствовать себя подлецом в собственном зеркале, человеку становится жизненно необходимо выстроить безупречное алиби. Изъятие чужого ресурса, точечные удары по уязвимым шрамам и хладнокровное очернение чужого имени — арсенал манипулятора безграничен, если нужно выйти из критической ситуации «победителем». Но природа не

прощает фальшивых сценариев. Пока одна сторона в абсолютной тишине собирает себя по кирпичикам и кует новое жесткое ядро, разум стратега медленно гниет изнутри от осознания собственной трусости. На финальной зимней площади чек всегда выставляется к оплате полностью.

Этот роман — не банальная драма о предательстве и не пособие по кукловодству. Это ледяной, очищенный от иллюзий психологический рентген человеческой натуры на самом уровне пола. Автор не предлагает читателю удобных ответов и дешевой морали. Он оставляет его один на один с глубинным, уничтожающим парадоксом изнанки человеческих отношений, где границы между палачом и жертвой стираются окончательно. Вопрос лишь в том, кто окажется настоящим паразитом системы, когда с доски полетят последние фигуры, а взгляд близкого человека прошьет тебя насквозь, как пустой манекен.

Часть 1. ВЗЛОМ ПЕРИМЕТРА И ГОРМОНАЛЬНЫЙ ШТОРМ

Глава 1. Исходные данные.

06:00. Звонит будильник в телефоне. Я по привычке переносу его на десять минут позже. Самое интересное то, что я уже как час не сплю. Но ленивость встать и подготовиться к работе заставляет меня каждым разом переносить будильник. Просто лежу в темноте и смотрю в потолок. Мозг уже включился, считает какие-то цифры, маршруты фур, а тело тупо отказывается делать первое движение.

За окном уже давно светло. Августовское утро, последний месяц лета, будоражено заставляет меня наконец встать с кровати. Я встаю точно так же, как и вчерашний день. На автомате. Ноги сами находят тапочки. Тихо, на цыпочках, выхожу из спальни.

Чтобы кофе машина не гремела на всю квартиру и чтобы Лиза не просыпалась раньше времени, я всегда переносу кофемашину на балкон. Это мой отработанный ритуал. Закрываю за собой балконную дверь, нажимаю кнопку. Машина начинает глухо жужжать, выдавливая в чашку крепкий черный кофе. Достаяю из кармана пачку сигарет, щелкаю зажигалкой — и вот оно. Первая затяжка. Разум слегка притуп-

ляется, утренний холодный воздух из открытого окна бьет в лицо, и я просто зависаю на пару минут, глядя вниз на проспект.

В комнате еще спят Вика и Лиза. У нас трехкомнатная квартира в хорошем районе Минска, стабильный доход, понятное будущее. Контур закрыт намертво, мышь не проскочит. Моя жена Вика даже не догадывается, о чем я думаю на этом балконе каждое утро. Для нее всё идеально: муж привозит деньги, дочка одета-обута, в выходные мы едем к родителям или в торговый центр. Но внутри меня уже который месяц сидит какая-то тупая, глухая тоска. Мне не хватает вызова. Всё стало слишком предсказуемым, как расписание поездов на центральном вокзале. Я знаю, что скажу жене вечером, знаю, что отвечу директору на летучке, знаю, сколько заработаю в следующем месяце. Эта сытая безопасность начинает меня душить. Но я не знаю как мне стать человеком, который радуется жизни.

Допиваю кофе, тушу сигарету о пепельницу. Шпингалет на балконной двери щелкает, возвращая меня внутрь квартиры. Пора будить дочку в школу и собираться в офис, где меня ждет очередная порция рутинных рабочих задач.

Уже 07:00, пора будить мою королеву — Лизу, и завезти ее в школу. Я захожу в детскую, стягиваю с нее одеяло. Она, как всегда, начинает мило кричать и требовать «свои права» еще немного поспать. Хотя я внутри и злюсь из-за того, что мы начинаем опаздывать, но на самом деле мне это нравит-

ся. В ней я вижу себя маленького. Такого же вспыльчивого, с жадой добиться своего любой ценой. Она до последнего воюет за эти лишние пять минут в кровати, упирается руками и ногами. Кое-как заставляю ее умыться, Вика на ходу сует ей бутерброд, и мы выходим к машине.

День начинается всегда с пробок. Минск в августе вроде бы должен быть посвободнее, но нет. Вечно какие-то уроды поцарапают друг друга на ровном месте, перекроют полосу, и мне приходится несколько десятков минут стоять в пробке, чтобы хоть как-то объехать этот затор. Сижу, стучу пальцами по рулю, смотрю на стоп-сигналы впереди. Если честно, уже дико надоело. Каждое утро одно и то же.

Кое-как завез малую в школу, высадил у ворот, помахал рукой. Теперь нужно быстро доехать до работы. Подъезжаю к офису, паркуюсь, поднимаюсь на наш этаж. Открываю стеклянную дверь — и снова эти лица с фальшивой улыбкой. Менеджеры, логисты, секретарши. Все делают вид, что рады друг другу. Громкие слова в пустой голове, обсуждения, кто как провел выходные, сплетни какие-то на курилке. Одним словом, ничего нового. Старая ванна, старый таз. Скука смертная.

Навстречу по коридору идет генеральный директор.

— Доброе утро, Николай Константинович. Сегодня, как всегда, в новом наряде, — сказал я, заметив его свежий костюм-тройку.

— О, Женя, привет. Что нового? — он останавливается,

поправляет часы.

— Да ничего. Все по-старому, — отвечаю я с дежурной улыбкой, удерживая маску идеального сотрудника. Хотя улыбаться особо не хочется, зная его лицемерие.

— Минут через 15 возьми кофе и заходи ко мне в кабинет. Разговор есть.

— Хорошо, Николай Константинович

Ёлки-моталки, опять этот 1С не загружается. Система висит намертво, крутит этот дурацкий синий кружок на экране, и всё. Сто процентов кто-то вчера не вышел из базы как надо, оставил сессию открытой, и теперь вся программа тупо заблокирована. А мне нужно быстро заполнить табель сотрудников, сегодня ведь день зарплаты. Если я опоздаю хотя бы на полчаса, опять этот «пудель» — так я называю нашего главного бухгалтера из-за её маленького роста и кудрявых светлых волос — весь день будет орать на весь этаж, брызжа слюной и требуя объяснительных. Ну бляха-муха, как так можно? У себя в голове звучит мой обычный, злой голос, пока внешне я продолжаю сохранять абсолютно спокойное лицо.

Я со злостью клацаю по мышке, пытаюсь принудительно перезагрузить компьютер, но сервер не отвечает. Минут пять я просто сижу и жду, когда системный администратор соизволит поднять трубку. Внутри всё так и кипит от этой мелкой, тупой рутины. День только начался, а я уже вынужден воевать с кривыми программами и думать, как угодить мел-

кому руководству.

Наконец, база нехотя открывается. Я быстро, на автомате, вбиваю цифры в ячейки, сверяю часы водителей, закрываю вкладки. Табель готов и отправлен. Ручной контур сработал вовремя, «пудель» сегодня останется без повода для лая. На часах как раз без пяти минут полвосьмого. Я встаю из-за стола, поправляю рубашку, беру чашку с черным кофе и иду в дальний конец коридора. Пора заходить к Николаю Константиновичу. Раз уж он позвал, значит, на мою шахматную доску сейчас прилетит какая-то новая задача.

— Николай Константинович, можно? — я приоткрыл тяжелую деревянную дверь кабинета.

— Да, конечно, заходи, Женя. А чего кофе не взял? — шеф оторвался от бумаг и жестом показал на стул напротив.

— Спасибо, утром пил, потом давление поднимается, — соврал я на автомате. Не хотелось тратить время на пустую церемонию с кружками.

— Ну рассказывай, что хорошего?

«Блядь, снова хорошее спрашивает», — подумал я. У него это дежурный вопрос каждое утро, от которого меня уже потряхивает.

— Все хорошо, — ответил я, удерживая на лице спокойную, рабочую маску.

— А что хорошего? — Николай Константинович откинулся на спинку кожаного кресла и прищурился.

— Хорошо то, что ничего плохого нет.

— Ну ты философ, Женя, — босс усмехнулся, явно довольный моим ответом.

— Стараюсь.

— У меня вечером появилась идея, как нам дополнительно заработать, — сказал Николай Константинович и сразу посмотрел на свой компьютер, начиная кликать мышкой по каким-то вкладкам.

— Идеи — это хорошо. Я не сомневаюсь в ваших идеях, — я кивнул, включая режим легкой лести. Но внутри у меня все сжалось. По опыту я прекрасно понимал, что его внезапные ночные озарения — это всегда либо полный бред, либо очередной геморрой, который принесет легкий хаос в нашу системную работу, а разгребать эти шпингалеты потом придется именно мне в ручном режиме.

Николай Константинович повернул монитор в мою сторону. На экране была открыта какая-то плотная таблица с незнакомыми тарифами.

— Я хочу запустить новый проект: наши контейнеры отправить уже не с тягачами в Китай, а привлеченным транспортом. Подумай, как это сделать. Это даст нам хорошую возможность дополнительно заработать, — выдал он.

Выдал как выдал, подумал я. Снова херней страдать придется. И еще это слово «нам» меня уже бесит пятый год. В смысле «нам»? Для тебя, ёлки-моталки. Твоя фирма, твои дивиденды, а вкалывать и ночами не спать из-за чужих косяков буду я. Но вслух, конечно, я сказал совсем другое.

— Николай Константинович, я подумаю. Это не так уж просто. Есть фактор основного перевозчика и работы с портами, — я специально сделал серьезное лицо, чтобы сразу охладить его пыл и показать, что задача требует глубокого аудита.

— Да ладно тебе, Женя, вечно ты усложняешь, — отмахнулся НК, возвращаясь взглядом в свой монитор. — Цифры на бумаге выходят красивые. Посчитай логистику, прикинь риски. Завтра жду от тебя первичный план.

— Хорошо, Николай Константинович. До завтра сделаю, — я встал со стула и вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В коридоре я дал волю эмоциям и глубоко выдохнул. Внутри всё просто кипело от злости. Мой отработанный, стерильный контур, который я выстраивал годами, этот урод хотел сломать ради сиюминутной сомнительной выгоды. Привлеченный транспорт на китайском направлении — это же чистый хаос. Чужие водители, которые класть хотели на твои сроки, вечные проблемы с документами на границе, левые конторы, которые могут исчезнуть вместе с твоим грузом в любой момент.

Я шел к своему рабочему месту и в голове уже крутился сухой бухгалтерский расчет. Предстояло перевернуть кучу старых накладных, созвониться с портами и понять, где именно эта гениальная идея шефа лажанет в первую очередь. Но самое паршивое было то, что этот бред отнимал у меня

время от реальной работы.

Я сел в свое кресло, зло клацнул мышкой по ожившей базе 1С и открыл пустой файл в Excel. Ручной режим включился сам собой. Мне нужно было составить такой отчет, который бы наглядно, в цифрах, показал НК всю глубину его заблуждения, но при этом выглядел бы как профессиональная аналитика.

В этот момент на рабочем столе зазвонил внутренний телефон. На экране высветился номер «пуделя» из бухгалтерии. «Ну началось», — подумал я, снимая трубку.

— Да, слушаю.

— Женя, где табель? — в трубке раздался знакомый визгливый голос.

— Сейчас будет, Марина Николаевна.

— Мне срочно нужно посчитать зарплату! Ты понимаешь, сколько времени это занимает?! — она начала заводиться с пол-оборота, как старый дизельный мотор на морозе.

— Марина Николаевна, я все понимаю. Я даже специально сегодня пораньше пришел на работу, чтобы к девяти всё сделать. Но, как всегда, 1С не запускался, — я говорил максимально спокойно, удерживая голос в рамках вежливого регламента. — Я сейчас всё быстро сделаю, не переживайте.

— Я не переживаю, Женя! Но надо, чтобы в течение десяти минут ты всё сделал. Иначе я пойду к Николаю Константиновичу и всё скажу! Понимаешь, у меня времени нет! — рывкнула она и бросила трубку. В динамике пошли короткие

гудки.

Ну как так можно? Я же по-человечески сказал: десять минут. И снова она угрожает побежать к своему старому ха-халю. В офисе уже сто лет ходили слухи, что когда этот «пудель» была помоложе, НК с ней спал, а потом поменял на молодую юристку из договорного отдела. Интересно, какая она вообще, когда голая? Фу, бя. Женя, не говори ерунду. Она же старуха, у нее кожа, небось, как старый пергамент на архивных накладных. Я потряс головой, чтобы выбить этот бред из мыслей.

Я быстро зашел в базу, которая наконец-то прогрузилась, нажал три кнопки и выгрузил готовый файл табеля прямо на ее внутреннюю почту. Ручной контур сработал ровно за четыре минуты. Пускай считает свою зарплату и не греет мне голову.

Я откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно. На улице стояла типичная душная августовская жара. Солнце пекло так, что асфальт на парковке уже начинал плавиться. Внутри офиса под кондиционерами было прохладно, но это была фальшивая, мертвая прохлада. Старая ванна, старый таз. Тот же бред шефа с контейнерами в Китай, те же крики кудрявого главбуха, те же фальшивые улыбки коллег на курилке.

Я открыл чистую таблицу Excel, чтобы начать считать логистику по привлеченному транспорту для НК. Мой внутренний бухгалтер привычно приготовился перемалывать

цифры, порты и тарифы. шторм.

Ближе к обеду цифры в Excel начали сливаться в одну сплошную серую массу. Я закрыл ноутбук. Греть голову в душном кабинете над бредовыми фантазиями шефа больше не было сил. Нужно было выехать в город по делам конторы, забрать оригиналы договоров у крупных клиентов на Партизанском проспекте и лично перетереть с ребятами на СТО на выезде из Минска — там наши три тягача зависли на капремонте, а мастер уже вторую неделю крутил мне вола со сроками.

Я спустился на подземную парковку, сел в машину. Завел мотор. В салоне мгновенно повеяло прохладой от кондиционера. Мой личный контур безопасности на ближайшие пару часов.

Выехал на проспект Дзержинского. Минск плавился от августовского зноя. Асфальт отдавал тяжелым, жирным теплом, а над крышами машин стояло марево. Пробки в обеденное время — это отдельный вид ментального геморроя. На перекрестке возле станции метро «Грушевка» двое умников на бюджетных легковушках не поделили полосу. Притерлись бамперами на ровном месте. Итог — три полосы колом, хвост растянулся до самого автовокзала.

«Ну какие же дебилы, ёлки-мotalки», — в голове привычно зазвучал мой злой голос. Я аккуратно, сантиметр за сантиметром, начал смещаться в левый ряд, чтобы объехать эту глупую аварию. Посмотрел на лица водителей в соседних

машинах. У всех одно и то же выражение: тупой автоматический стресс. Люди сидят в своих железных коробках, судорожно тыкают пальцами в телефоны, злятся на жару, на работу, на жизнь. Старая ванна, старый таз.

Кое-как вырвался на второе кольцо. На Партизанском проспекте я быстро забрал документы у секретаря — очередная порция фальшивых улыбок, дежурное «спасибо, хорошего дня» и стеклянные глаза. Всё на автомате.

Через полчаса я уже стоял на СТО. Запах солярки, отработанного масла и ржавого железа. Мастер Коля — мужик лет пятидесяти в грязном комбинезоне — начал было заливать мне привычную пластинку: «Женя, понимаешь, запчастки из Европы задержали на границе, шпингалеты в коробке передач не те пришли...».

Я выключил его эмоции одним коротким движением руки.

— Коля, мне плевать на границу. По договору у нас дедлайн был три дня назад. Мои фуры должны стоять под загрузкой на РФ, а они у тебя тут пылятся. Либо машины выезжают в пятницу утром, либо фирма выставляет вам кабальную неустойку.

Мастер мгновенно сдулся, замолчал и начал судорожно чесать затылок. Его ленивый разум считал жесткую финансовую угрозу и выдал единственный правильный алгоритм: «Сделаем, Женя. В четверг вечером заберешь».

Я сел обратно в машину и поехал в сторону офиса. День

плавно катился к вечеру, оставляя после себя ощущение полной, звенящей пустоты. Рутинка была отработана безупречно: табель отправлен, пудель молчит, мастер на СТО прижат к ногтю, документы в бардачке. Мой внутренний бухгалтер мог бы гордиться этим днем. Но внутри по-прежнему сидела эта глухая, тупая тоска по настоящему вызову.

Я крутил руль, глядя на обледенелые в зимних воспоминаниях, но сейчас раскаленные летние улицы Минска, и даже не подозревал, что этот дурацкий проект НК по привлеченному транспорту в Китай уже запущен. Только внутри меня.

Почему моя жизнь стала такой серой? Почему я больше не умею радоваться? Ведь объективно у меня все хорошо: любящая жена, ребенок, неплохая машина, зарплата заметно выше средней по меркам Минска и стабильная работа. Черт побери, да что со мной не так? Почему абсолютно все вокруг меня раздражает? Неужели это пресловутое выгорание? Да ну, бред, ерунда все это. Наверное, мне просто нужно наконец-то нормально отдохнуть.

А тут еще этот офис. Все вокруг мастерски делают вид, что работают, хотя на самом деле вся компания держится на силе пары-тройки толковых сотрудников. Остальные — просто декорации, создающие видимость бурной деятельности. Наш директор, хоть и неплохой по натуре человек, в этом плане поразительно наивен. Он мгновенно попадает под чужое влияние, совершенно не учитывая специфику и тонкости собственного бизнеса. Вечно находится в поиске

каких-то иллюзорных инноваций. Откровенно говоря, меня это уже просто бесит.

Мои невеселые мысли прервала резкая трель телефона. На экране высветилось имя: «Варвара». Я удивленно нахмурился. Что еще случилось? Обычно она никогда не звонит мне в разгар рабочего дня без веской причины.

— Да, слушаю тебя, любимая, — ответил я, стараясь скрыть усталость в голосе.

— Женя, привет. Можешь после работы заехать в ТЦ «Рига»? Нужно кое-что купить, — раздался в трубке ее мягкий, но немного обеспокоенный голос.

— А что именно нужно?

— Да там мелочь. Я повсюду искала для Лизы детские колготки и белую рубашку для школы, но нигде больше нет наших размеров. Только там остались.

— Хорошо, зайка, заеду. А как магазин называется?

— Как поднимешься на второй этаж, сразу увидишь его с правой стороны. Не ошибешься.

— Ладно. Если вдруг не найду — наберу тебя.

Снова кататься по всему городу, пробиваться через пробку. Когда-же все это закончится.? До конца рабочего дня остался 1 час. Потерпеть бы.

Офисный телефон требовательно зазвонил. На экране высветились инициалы шефа — НК. «Снова под конец рабочего дня на ковер вызовет», — тоскливо подумал я.

— Да, алло.

— Женя, зайди ко мне, — раздался в трубке строгий голос.

— Сейчас буду, Николай Константинович.

Я положил трубку и вздохнул. Опять идти к нему. «Что утром, что вечером — никакого покоя», — пронеслось в голове, пока я поднимался из-за стола и направлялся к кабинету директора.

Войдя, я застал шефа за перебиранием бумаг. Он поднял на меня взгляд:

— Ну что, рассказывай, Женя. Как успехи?

— Все хорошо, Николай Константинович.

— Ты подумал над моим предложением?

— Да, весь день только об этом и думаю. Но мне нужно еще немного времени, чтобы точно просчитать себестоимость проекта и понять, как именно мы сможем его реализовать.

— Женя, — начальник внимательно посмотрел мне в глаза, — если ты сам будешь искренне убежден, что это возможно, то у тебя обязательно все получится. Главное — твоя уверенность.

— Я буду очень стараться, — пообещал я.

— Ладно. Завтра меня в офисе не будет. Справитесь тут без меня?

«Можно подумать, ты сам за нас всю работу делаешь», — иронично подумал я про себя, но вслух, разумеется, выдал совсем другое:

— Конечно справимся, Николай Константинович, не переживайте!

Сразу после работы я поехал в торговый центр «Рига». «Яндекс Навигатор» оптимистично пророчил шестибалльные пробки. Дорогу туда я, конечно, знал как свои пять пальцев, но навигатор всегда держал включенным ради подсказок о камерах — не хотелось ловить глупые штрафы.

Минут через сорок толкания в потоке я наконец докатился до ТЦ. С парковкой, как и всегда у крупных торговых центров, была полная беда, но, сделав пару кругов, я все-таки урвал свободное место. Закрыв машину, я поднялся на второй этаж и зашел в нужный магазин.

И именно там я увидел ее. Красивую продавщицу в магазине детской одежды.

Она стояла за прилавком, и у меня на мгновение перехватило дыхание. Катя была невероятно, ошеломительно красива. Изящный силуэт, средний рост, безупречная осанка — в ней чувствовалась какая-то особенная, природная грация. Светлые волосы мягкими волнами спускались по плечам, выгодно подчеркивая идеальные линии шеи и ключиц, а аккуратное декольте блузки оставляло ровно столько пространства для фантазии, чтобы оценить ее красивую, подтянутую грудь.

«Чертовски хороша, — пронеслось у меня в голове, пока я разглядывал ее точеную фигуру. — В ней есть эта редкая порода, когда привлекательность сочетается с характером».

В ее взгляде и манерах читалась легкая, притягательная дерзость. Она не заискивала перед покупателями и не пыталась натужно улыбаться. Катя держалась уверенно, даже чуть вызывающе, но при этом ни капли не грубила. В каждом ее движении и слове сквозило чувство собственного достоинства, которое только распаляло интерес.

Я подошел к прилавку, стараясь сохранять непринужденный вид, хотя сердце почему-то забилось чуть быстрее.

— Здравствуйте, — вежливо начал я. — Моя жена у вас рубашки и колготки заказывала. Не подскажете, как можно забрать?

Катя даже не подняла на меня глаз. Она продолжала что-то быстро печатать в компьютере, и ее ухоженные пальчики уверенно порхали по клавиатуре.

— Номер заказа, пожалуйста, — сухо, без единой эмоции отчеканила она.

«Блин, даже не поздоровалась», — укололо меня изнутри. Эта ее холодная отстраненность задела мое мужское самолюбие. Захотелось как-то пробить эту стену равнодушия, и я, стараясь скопировать ее официальный тон, выдал:

— Двадцать два, четыреста пятьдесят шесть. Номер заказа, пожалуйста.

Катя наконец оторвала взгляд от монитора. Она посмотрела на меня — мимолетно, оценивающе, с той самой легкой дерзостью в глубине красивых глаз. Никакой грубости в ее поведении не было, просто абсолютная, непробиваемая уве-

ренность в себе. Она ввела цифры, дождалась загрузки страницы и снова уткнулась в экран.

— Да, есть у нас такой заказ, — так же ровно произнесла она, развернувшись к стеллажам за спиной. — Ожидайте, пожалуйста.

Я остался стоять у стойки. Странно и даже как-то обидно: она на меня почти не смотрит, словно я самый обычный, ничем не примечательный покупатель. Но, черт возьми, это игнорирование только подогревало интерес. Ну по факту так и было. Для нее я самый обычный клиент.

Спустя минут десять она вернулась, держа в руках пакет с рубашками и колготками. Оформила все быстро и четко. Я приложил карту к терминалу, оплатил покупку, вежливо попрощался и пошел к выходу.

Но стоило мне выйти на парковку и сесть в машину, как я понял: всё, я пропал.

Всю дорогу до дома она не выходила у меня из головы. Я крутил руль, перестраивался из ряда в ряд, а перед глазами стоял ее силуэт и этот дерзкий, пронзительный взгляд. Пока она сканировала товар, я успел разглядеть аккуратный пластиковый прямоугольник у нее на груди. На бейджике было четко написано: «Екатерина Смирнова».

«Катя... Катюха», — мысленно смаковал я ее имя, улыбаясь собственным мыслям под урчание мотора в вечерних пробках. Какая же она все-таки красивая. И эта ее неприступность, черт бы ее побрал, только подливала масла в

огонь.

Вечер дома тянулся своим чередом, как и сотни вечеров до этого. Суэта, бытовые разговоры, дочка рассказывает, как прошел день, жена что-то готовит на кухне... Все было привычно и правильно, но я присутствовал там лишь физически.

Катя не выходила у меня из головы. Ее образ буквально преследовал меня.

Пока я механически ужинал и кивал в ответ на домашние расспросы, в мыслях я снова и снова возвращался в тот магазин. Какая же она все-таки прекрасная. В этой девушке удивительным образом сочеталось всё: и скрытая нежность, и яркая красота, и эта чертовски привлекательная дерзость.

Я поймал себя на странном ощущении: словно я всю жизнь жил в тусклой, серой реальности, и вдруг меня резко выдернули оттуда и забросили в совершенно другой — безумный, живой и красочный мир. И этот мир теперь звал меня назад.

Два дня я промучился в своей серой реальности. Работа валилась из рук, а дома я окончательно превратился в призрака, который просто кивал и улыбался. Образ Кати жег изнутри. Мне нужен был повод. Любой, даже самый глупый.

И я его нашел. Утром я незаметно вытащил из пакета одну из купленных женой рубашек и положил в бардачок. Вечером «Яндекс Навигатор» снова показал пробки, но мне было плевать. На этот раз я летел туда на крыльях.

В магазин я зашел, напустив на себя максимально деловой вид. Сердце колотило в ребра. Она была там. Сегодня на ней была черная водолазка, которая еще выгоднее подчеркивала ее идеальную грудь и точеную фигуру.

Я подошел к стойке. Катя подняла глаза. В ее взгляде на секунду промелькнуло узнавание, но она тут же вернула на лицо свою фирменную маску безразличия.

— Здравствуйте. Чем могу помочь? — ее голос прозвучал все так же сухо.

— Здравствуйте, Екатерина, — я намеренно назвал ее по имени и слегка улыбнулся, глядя прямо в глаза. — У нас небольшая проблема. Жене не подошел размер рубашки. Можете спасти семейный покой и поменять её?

Катя чуть изогнула бровь. На ее губах промелькнула едва заметная, ироничная усмешка. Моя прямая подача явно пришлась ей по вкусу.

— Семейный покой — это святое, — с легкой дерзинкой ответила она, забирая у меня пакет. — Давайте посмотрим, что там у вас.

Пока она проверяла чек, наши пальцы на мгновение соприкоснулись. Меня словно током ударило. Она не отдернула руку сразу, лишь посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Лед определенно тронулся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.